

КУЛЬТУРА

Тимур Кибиров — лауреат Пушкинской премии. И это не только почетно, но и символично, поскольку стихи Кибирова насыщены реалиями русской действительности XX века в той же степени, что и "Евгений Онегин" — сия "энциклопедия русской жизни" века XIX. Отсюда проистекает тщательность попыток переводов кибировских стихов на иностранные языки. Каждая строка должна снабжаться страницей комментариев, которые тем не менее не способны передать, скажем, запах асидола, которым награждаются солдатские бляхи, или вкус мутного столового какао.

- Виктор Коркия как-то заявил, что Тимур Кибиров — это Гомер своей эпохи. Вы согласны с таким определением?

— Насколько я понимаю, это сказано по поводу того, что в моих текстах закреплены последние годы советского универсума. В этом, наверное, есть резон, но мне немножко неловко, когда меня за это расхваливают. Мол, ты так отразил нашу жизнь! Может быть, моя заслуга только в том, что я один из первых сделал это предметом эстетического любования, грусти и ностальгии, а не сугубых насмешек, как это было принято в ту пору.

На самом деле те вещи, о которых мы сейчас говорим, написаны совсем не так славно, как хотелось бы. Но тогда впечатления они производили большое, потому что люди не привыкли к тому, что их повседневная унылая, смешная, противноватая советская жизнь может стать предметом поэзии, а не только анекдотов и насмешек. А это, судя по всему, людям было нужно. Да и мне самому было нужно. И из-за этого я, на мой взгляд, слегка незаслуженно получил какою-то известность.

— Но при этом ваш опыт недавно использовали совсем другие люди. Припомните прошлый годный "Новогодний огонек", когда нынешние поп-звезды с большим чувством распевали послевоенные песни. Можно привести много примеров того, как поп-культура осваивает достижения серьезных художников. Например, нынешние клипы на 90 процентов состоят из опыта нашего параллельного кино.

— Этот механизм работал всегда. Языкотворческая работа Карамзина, которую завершил Пушкин, была оглушительной новизной для своего времени. Но уже через десять лет она дала возможность писать гладкими стишками любому гусарскому корнету. Это нормально. И это не плохо, и не хорошо. В 80-е годы на

Литературный разъезд

Стихи сегодня никому не нужны. Тиражи поэтических сборников упали в десятки раз. Поэзия умирает! Подобные мотивы нередко звучат в самых разных мизансценах. А что думает об этом сами поэты?

СМЕНА ВЕХ

ТИМУР КИБИРОВ:

Мне отвратительна
блатная культура

слаждаться советскими песнями могли только эстетически продвинутые люди. А сейчас это уже освоило поп-искусство, что тоже нормально. Ну а песни действительно хорошие. На уровне того, что мы сейчас слышим ежедневно, "про голубые глазки", пусть уж лучше поют "Каким ты был, таким остался".

— Сформировалась ли мифология нынешнего времени?

— По-моему, формируется. Это прекрасно иллюстрирует Дмитрий Александрович Пригов, который работает с социальной мифологией. Поскольку советские мифы, которые он блистательно деконструировал, перестали быть актуальными, а новых еще не возникло, он несколько лет назад начал пробуксовывать. А на последнем своем вечере Пригов прочел очень интересный цикл, где он описывает романтизм бандитской среды. На мой взгляд, он чуть уловил один из почти устоявшихся мифов нашего времени, надо сказать, очень противный. Может быть, более противный, чем советские мифы, которые в пору нашей юности уже были не способны по-настоящему деформировать чье-либо сознание.

Вся эта любовь к блатным песням, к блатной культуре всегда была мне отвратительна. Она зарождалась в среде интеллигенции, а сейчас стала чуть ли не государственной идеологией. И характерно то, что поэт Михаил Танич, который в 60-е годы сочинял очень милые песни о ткачихах, теперь пишет тексты для группы "Лесоповал". Поэты-песенники — очень хороший индикатор, они знают, кто заказывает, кто хозяин. Это меня очень пугает.

— Все говорят о смене поэтической парадигмы. Дескать, со сцены сошел поэт-пророк. А на

смену ему пришел поэт, который не только не дорожит любовью народной, но и пишет в основном для одного себя, соответствуя западной модели.

— Вроде бы это все именно так. И как будто бы есть все основания предполагать, что так и будет развиваться поэзия. Но меня несколько смущает довольно трогательная уверенность, что мы от Запада отличаемся только отсталостью. Мол, наше будущее — это сегодняшний день Запада. На мой взгляд, нет достаточных оснований так предполагать. Мне слегка претит такой фатализм. Как человек христианской культуры, я верю в то, что у людей существует свобода воли. И будущее русской поэзии зависит от поэтов, и от нас с вами, в частности.

Наверное, уже никогда не будет возвращения к величественному образу поэта — властителя дум, учителя, пророка. Но мне было бы очень грустно, если бы от этой традиции не осталось ничего. На мой взгляд, некоторая прививка смирения и даже социального унижения и поэта, и поэзии очень полезна. Потому что уж слишком много на себя брали. Я говорю не столько о прошлом веке, сколько о советском периоде, когда советские служащие считали себя посланцами небес, что было совсем уж нелепо. Нынешнее состояние, шокирующее людей, привыкших к другому статусу поэзии, — это полезно. Это опыт некоторой аскезы.

Но все-таки мне кажется, что если из русской литературы окончательно уйдет привкус учительности, пафоса, искренности — того, что можно вслед за Ницше пренебрежительно назвать человеческим, слишком человеческим, то литература станет бесчеловечной, слишком бесчеловеч-

ной. Я бы надеялся на то, что, освободившись от избытка всех этих свойств, русская литература все-таки сохранит их. Потому что иначе поэзия превратится в чистую игру, может быть, очень увлекательную и тонкую, но никому, кроме поэтов и нескольких десятков высокопоставленных филологов, не нужную. Мне все-таки было бы печально предположить, что я свою единственную жизнь трачу на эту игру. Хочется верить, что это чуть более значимое занятие.

— Всегда было принято, что новое поколение поэтов норовит бунтовать против поколения отцов. Не ощущаете, что против вас что-то замышляется?

— Наверное, мы должны быть объектом ненависти двадцатилетних. Но поскольку никакой реальной власти и силы наше поколение не приобрело по ряду объективных и субъективных причин, то какой смысл нас сбрасывать с корабля современности. А к тому же молодым сейчас не легче заявить о себе, чем в свое время нам. Может быть, даже труднее, потому что во время нашей молодости была уже довольно хорошо организованная андеграундная культура со своими печатными изданиями и даже критиками. А сейчас, если даже какого-то молодого человека напечатает в толстом журнале, то его никто не услышит. Мало читают даже пишущие люди. Может быть, кто-нибудь из молодых заявит в "Октябре", что Кибирова пора разоблачить и уничтожить как класс. Но я об этом могу не узнавать.

— Но вы-то в свое время бунтовали против шестидесятников.

— Да, я в свое время, причем будучи не совсем уж и молодым,

Фото В. СМОЛЯНИНОВА

очень много в своих текстах смешливо проходил по их поводу. С какой-то не совсем уже понятной мне сейчас яростью, что теперь меня слегка мучает. Издаться над реальными людьми не следует. Другое дело, что тогда они не представлялись мне реальными людьми. Это были символы некоей глубоко чуждой мне культуры, ну и, строго говоря, стоящие у власти. Наверное, сюда примешивалась разnochинская зависть. Сейчас слегка стыдно, это были не совсем благородные жесты.

Но нелепо было бы переписывать свои старые стихи.

— Чем вам чужда их культура?

— Когда им разрешили вместо стальных пиджаков носить шейные платки и брюки дудочкой, они захлебнулись от радости. А когда позволили не писать к каждому съезду оду, а описывать свои переживания и рифмовать не так, как Исаковский, а как Маяковский, им показалось, что это достаточная степень свободы.

При всех моих извинениях, эта культура мне до сих пор глубоко чужда. В некотором смысле более чужда, чем Исаковский или Фатьянов. В ней гораздо больше фальши и подмены. Фатьянов и Исаковский никого не могут обмануть. А деятели этой культуры занимались подлогом: они несли псевдосвободу, псевдоизысканность, псевдофилософичность.

— Сейчас многие жалуются на падение тиражей, отсутствие гонораров.

— Сергей Гандлевский как-то заметил, что самые большие тиражи и самые шикарные издания были в 1937 году. И это не случайное совпадение, а элемент одной системы. Это нужно четко понять и не вздыхать о прежних возможностях.

Я считаю вершиной безумия советского культурного сознания, когда человек одновременно говорит о какой-то особой духовности и тут же начинает жаловаться на отсутствие гонораров. Если ты такой духовный, то какие гонорары-то? Если хочешь гонораров, пиши бестселлеры. Или рекламные тексты. Наверное, есть возможность заработать.

Мне это время нравится трезвостью, серьезностью, зачастую очень жестокой, со звериным оскалом, но это взрослое время. Закончился советский детский сад, когда все были на положении детишек: кто — благонаправленных, кто — безобразных, которые сбегали с уроков и курят в туалете. Сейчас мы оказались во взрослом мире. Он суров, страшен, жесток, но это, на мой взгляд, более достойно. Это нормальная человеческая жизнь, которой все человечество жило и живет.

Беседу вел
Владимир ТУЧКОВ